Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 11. НОЯБРЬ, 1920 г. № 11.

Содержание. На путях к здравому смыслу.—Итальянский урок.—Письмо из Швейцарии.—Территориальность и анархизм.—Своевременные мысли.

НА ПУТЯХ К ЗДРАВОМУ СМЫСЛУ.

„Наилучший закон тот, который отменяет другой закон" — гласит анархистская поговорка. Такие законы очень редки и порой, при своем появлении, знаменуют эпоху, отмечают поворотный пункт в истории народа. Таким именно был закон-манифест от 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права.

Но бывают законы, хотя *не наилучшие*, но все же хорошие. Это законы, которые ограничивают те или другие „права" государственных органов. К таким законам нужно отнести декрет от 7 сентября т. г. о так называемом „регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности" [см. „Извест." № 224 (1071)].

По существу, этот закон является крупной уступкой *децентрализованной* промышленности, в частности, трудовой производительной кооперации.

Уже давно Кропоткин указывает, что статистические обследования, предпринятые в западной Европе с целью установить возростающую централизацию промышленности, дали как раз обратные результаты, но это явление систематически, *предвзято* умалчивается государственными социалистами разных оттенков. Понятно почему: оно рушит всю их *классическую теорию* о централизации промышленности, а косность мысли присуща иным революционерам не менее, чем заядлым консерваторам.

За три года социальной революции в России децентрализованное производство было в небывалом загоне; дело доходило до того, что у швей отбирали машины, часовщиков сгоняли в общие помещения во имя централистического догмата. Власть шла вразрез с историческим развитием цивилизованных стран, наперекор стихии.

Результаты не замедлили сказаться.

Наша крайняя хозяйственная разруха есть результат не только—увы!—далеко не изжитой империалистической наследственности, но и в не меньшей степени плод внутренней хозяйственной централистической политики.

„В целях более правильного и регулярного снабжения Красной армии и населения продуктами кустарной, ремесленной и мелкой промышленности..."—так начинается декрет; этим самым он признает существенную роль децентрализованной промышленности в деле снабжения как населения вообще, так и одной ея части—Красной армии.

В данном декрете нас больше интересует раздел I закона, относящийся к „владельцам предприятий мелкой и ремесленной промышленности, работающим одиночно или в составе семьи, без применения в своем производстве наемного труда" и к „кооперативным об'единениям означенных одиночек и их семей".

Разделы II и III касаются предприятий пользующихся наемным трудом; эти „соглашательские" разделы (выражаясь большевистским слогом) являются более или менее сурсвыми сделками с капиталистическими началами и лишены принципиального интереса.

Закон о децентрализованной промышленности не эксплуатирующей наемный труд тем более важен, что национализированная промышленность в сущности тоже эксплуатирует наемный труд, нередко принудительными приемами и, подобно капиталистам, пренебрегает ограничениями продолжительности рабочего дня, нарушает гигиенические требования, расточает штрафы и т. д.

Новый закон мог бы стать оплотом истинных социалистических начал, если бы в русской общественности было достаточно силы, чтобы превратить его из бумажного декрета в реальные взаимоотношения между свободным трудом и государственной властью.

Декрет признает за отдельными лицами и их об'единениями, не эксплуатирующими наемный труд, т. е. за кооперацией в ея чистом виде, *право собственности* на орудия труда. Предприятия этого характера „не подлежат ни национализации, ни муниципализации, ни конфискации".

Равным образом не подлежат „ни конфискации, ни каким-либо иным способам из'ятия из распоряжения их владельцев" собранные ими „запасы сырья, материалов, топлива и предметов оборудования".

Затем декрет признает за децентрализованной промышленностью не эксплуатирующей наемный труд, право индивидуального и *кооперативного* сбыта своих изделий без посредников.

В то время как по отношению к предметам производства и заготовки сырья и материалов декрет не ставит никаких ограничений, вольный сбыт продуктов с'ужен пределами особого списка отраслей производства. Так, например, разрешается вольная продажа гробов, но сбыт полотна для саванов воспрещен. А куда полезнее было бы, если бы на равне с гробами мелкая кустарная и кооперативная промышленность могла сбывать и полотно на рубахи для живых. В этом ограничении сбыта главная отрицательная сторона закона. Но на то он просто закон, а не *наилучший* закон.

Декрет от 7 сентября знаменует собой сдвиг нашего законодательства от доктринерства в сторону здравого смысла. Он возник не вследствие сознания трудящимися своих прав и воздействия на правительство, а в результате мучительного трехлетнего опыта, доказавшего явную неспособность крупной национализированной промышленности удовлетворять потребности не только населения, но даже Красной армии.

Так или иначе, брешь в безудержной слепой централизации хозяйственной жизни страны пробита. Теперь от идейных кооператоров зависит извлечь из этого декрета все, что он может дать, расширить эту брешь так, чтобы поток личного и кооперативного почина размыл окончательно устои государственной централизации, в которых задыхается страна.

ИТАЛЬЯНСКИЙ УРОК.

Семена, посеянные Марксом и Бакуниным в международном рабочем движении дают плоды теперь, в наши дни. Идеи первого нашли благодатную почву на развалинах самодержавной России, в среде вчерашних крепостных и верноподданных, проповедь второго – в конституционной Италии, в свободолюбивом народе романского племени.

Экспроприация крупной собственности —основная задача социальной революции. Маркс и Бакунин одинаково проповедывали ее, но разными приемами. У нас она уже три года проводится по Марксу, государственным путем, с немецкой методичностью и религиозным догматизмом. Что за беда, что благодаря этому рушится промышленность и катится вспять земледелие!

В Италии революционный вихрь *прямого действия* анархо-синдикального движения тоже произвел широкую экспроприацию крупной промышленности и земельных поместий, но рабочие, убедившись в своей неподготовленности немедленно руководить производством, *добровольно* отступились. Правительство не посмело даже принять вызов и повести открытую борьбу с движением.

Из первых затруднений итальянской революции торжествующие в России большевики делают вывод: итальянские рабочие допустили ошибку не захватив власть.

Но ведь в Советской Баварии и Венгрии их единомышленники не сделали эту „ошибку“ и все же движение в этих странах потерпело неудачу.

Причина успеха марксистского метода в России не в превосходстве системы, а в том, что зажившееся самодержавие лучше воспитало русский народ в рабстве, в покорности закону каков бы он ни был. У нас трепет перед властью ныне выдают за „свободу“, налоговую покорность—за „социализм“.

Затруднения итальянской революции поучительны с иной стороны. Дело в том, что рабочие синдикаты являются боевыми политическими организациями,—*политическими* не в смысле стремления захватить власть, а борьбы с ней, направленной к ея сокращению вплоть до упразднения. Понятно, что политические организации не оказались подготовленными к техническому руководству производством на свободных социалистических началах. Эту задачу могла бы выполнить трудовая *производительная кооперация* (которую не следует смешивать с промышленными предприятиями потребительской кооперации, организованными на капиталистическом начале наемного труда), а она-то как раз чрезвычайно слабо развита.

Из временных затруднений итальянского движения можно извлечь один лишь урок: анархо-синдикальные организации, без надлежащего развития производительной кооперации, не в силах разрешить основную хозяйственную задачу социальной революции; сне могут осуществить экспроприацию, но не перестроить капиталистическую промышленность на началах социалистического производства. От развития производительной кооперации зависит успех социальной революции.

К этому вопросу мы вернемся особо.

Письмо из Швейцарии.

(Отрывок из частного письма)

Женева, 8 сентября 1920 г.

Письмо твое было явно вскрыто, и здесь, как в Москве, свирепствует федеральная цензура.

Бертони был очень обрадован узнав, что Петр (Кропоткин) получил его письмо... Здесь мы разделяем его (Кропоткина) взгля-

ды, но есть небольшая часть, которая восторгается всем, что творится там (в России). Очевидно, что не знаем ничего положительного, лгут с той и с другой стороны Галлеани и Малатеста в Италии, во главе движения и двух газет...

Понадеемся, что болезнь, определенная Петром (намек на взгляд П. А. Кропоткина, что современное состояние России болезнь, которую должны сами исжить) скоро пройдет и завершится выздоровлением.

Я заранее приветствую его новую книгу об Этике... Мы отдаем себе отчет, что только состояние здоровья не позволяет ему выступить с строгой критикой...

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ И АНАРХИЗМ.

Если присмотреться к жизни отдельных семейств животных и их обществ, то мы заметим, что каждое из них пользуется определенным местожительством—гнездом, норой, берлогой, муравейником, ульем,—и сравнительно ограниченным пространством земли, т. е. *территорией*, на которой промышляет средства для собственного существования и для сохранения вида (потомства). Даже перелетные птицы, и те в разные времена года возвращаются к прежнему местопребыванию и старому гнезду. Тоже самое наблюдается у кочевых племен, которые не скитаются по белому свету куда глаза глядят, а имеют свои определенные *кышлаи* и *ейлаи* (так называют татары-кочевники места своего зимнего и летнего пребывания).

Эту естественную связь с насиженным местом, с родиной в прямом смысле слова, следует назвать *территориальностью* в отличие от государственности, являющейся принудительным об'единением в произвольных границах.

Анархизм, отвергая государственность, не может отрицать территориальность, точно так же, как стремясь к уничтожению монопольного (частного и государственного) капитала, он признает трудовую собственность, ведущую, благодаря повышению ею производительности труда и свойственным человеку общительности и взаимопомощи, к коммунизму *).

Любовь к родине и племени не только не чужды, но и свойственны анархисту не менее, чем всякому иному человеку. Это она привела, после почти полувекового вынужденного изгнания, П. А. Кропоткина на родину, и именно в центральную Россию.

Связь с родиной настолько сильна у человека, что даже при современном необыкновеном развитии путей сообщений, люди весьма неохотно переселяются со своей родины, и то лишь под давлением непреодолимой хозяйственной необходимости.

В природе территориальность повидимому не вызывает острой борьбы внутри одного и того же вида животных. Кропоткин в своем труде о „Взаимной помощи" указывает, что „отдельные группы пингвинов имеют свои места для отдыха и свои места для рыбной ловли, и не дерутся из-за них. Стада рогатого скота в Австралии имеют каждое свое определенное место, куда оно неизменно, изо дня в день, отправляется на отдых, и т. д.". У собак территориальный инстинкт настолько сильно развит, что человек использовал его, приручив собаку для сторожевых целей.

Причину отсутствия острой борьбы за территориальность у животных одного и того же вида можно усмотреть в большей однородности животных пород, которая определяется в свою очередь медленностью их развития. Совсем иначе обстоит дело в человеческом роде, где развитие цивилизации идет не повсюду с одинаковой скоростью и порой делает поразительные скачки. Разница в культурном развитии разных племен и народов настолько велика, что самооборона у людей является естественным следствием территориальности.

Нынешний кризис основной идеи Интернационала—неоправдавшегося лозунга международного об'единения пролетариата всех стран—произошел именно вследствие игнорирования этой разницы в развитии различных народов. Эта разница делает обороноспособность каждого общества необходимым условием для его дальнейшего свободного развития.

Территориальность во всей истории человечества настолько была поглощена государственностью, что даже сами главные основатели и идейные вдохновители международного анархистского движения, Бакунин и Кропоткин, не проводят границы между этими двумя понятиями. Это ведет к мысли, что всякая связь для взаимной самозащиты должна исчезнуть и часть анархистов, борясь с милитаризмом, именно так и понимают наше учение. Между тем ни Бакунин, ни Кропоткин не воображали себе, что все человечество сразу перейдет к анархизму и что в нем не останется государств, идеально организованных для нападения и захвата (см. „Кнуто-Германскую Империю" Бакунина).

Анархизм, как общественное движение, глубоко проникнутое духом активной борьбы со всяким гнетом и насилием, не может отвергать организованную оборону народов от внешних насилий. Теория анархизма

*) См. беседу с П. А. Кропоткиным в № 4 „Почина".

исключает из взаимоотношений населения принудительную власть и прямые насилия, составляющие сущность государственности. Организованную же оборону общества на определенной территории без принуждения власти анархизм не может отвергать.

Анархизм до сих пор выдвигал своим ближайшим политическим идеалом территориальную родину—общину (*коммуну*), потому что в ней легче было себе представить и осуществить справедливый общественный строй. Но гибель неминуемо ждет коммуну в окружающей, враждебно расположенной среде, как это случилось с Парижем в 1871 году. Для своего утверждения анархизм должен выработать формы организации больших обороноспособных единиц и затем своим культурным влиянием об'единить все шире и теснее другие страны. Вот в каком направлении нужно искать пути к возрождению анархического Интернационала.

Пока осуществление анархизма считалось даже пылкими его приверженцами *далеким идеалом*, пока они ежедневно сталкивались с огромной разницей между этим идеалом и железными устоями действительности, до тех пор можно было не задаваться вопросом о внешних врагах обществ, перешедших к анархическому строю. Во время мировой войны вопрос об обороне расколол анархистов на два противоположных лагеря, но теперь мы одинаково далеки от безоговорочного слияния с государственной обороной одних и наивной проповеди „втыкания штыков в землю“ других.

Мировая война, расшатав все основы старых общественных порядков, поставила на очередь проведение в жизнь самых невероятных теоретических построений; она отдала необятную Россию в жертву опытам партии государственных социалистов, которые стремятся диктатурой власти над всеми, т. е. произволом кучки людей, организованных в партию, насадить в стране свои несостоятельные умозрения. Неизбежный крах этой, быть может последней формы принудительного государственного строя выдвигает вопрос о переходе к новым порядкам, к свободному политическому строю, к анархистским территориальным об'единениям. Иначе неизбежна реакция, неизбежен возврат к прошлому, к старым формам управления, в лучшем случае к так называемой „правовой государственности“.

Но из внутренней междоусобной и гражданской борьбы не может зародиться внешняя обороноспособность перед агтрессивными военными государствами, поэтому необходимым условием успешной территориальной самообороны является выработка практических форм общественной организации без сословных привиллегий и принуждения власти.

Разрешение социальных вопросов в старых отживших государственных формах уже не может удовлетворить пробужденных мировой войной (выражаясь словами Вильсона) „разума и воли всего мира“.

Осуществление анархистской формы общежития в территориальных пределах стало насущной задачей нашего времени. Оно поставлено на очередь и у нас в России, где старое начало принудительной государственности разнузданно мечется на арене неограниченного произвола, стремясь закрепить свое существование.

Великие революции своими разрушениями сами же намечают пути для обновления общества, и формы, в которые новый строй стремится вылиться.

Эти формы „Почин“ старался уловить, исходя из явлений настоящего и изложил в ряде статей и отдельно выпущенных очерков *).

Наш идеал исторически созрел. Но созрели ли и мы политически, чтобы способствовать его осуществлению на деле?

Своевременные мысли.

...Нет, господа, полно нам из себя представлять громовержцев и Моисеев, возвещающих волю Божью, полно представлять пастырей мудрых стад людских! Методы *просвещений* и *освобождений*, придуманных за спиною народа и втесняющих ему *его неотъемлемые* права и *его* благосостояние топором и кнутом, исчерпаны Петром I и французским террором.

А. Герцен (Собр. соч., т. VI, стр. 326).

Нет яда более подлого, чем власть над людьми.

М. Горький.

*) „Социальные задачи Домовых Комитетов“ (очерк городского общественного строя без власти и принуждения), „Основы земской финансовой организации без власти и принуждения“, некоторые статьи из сборника „Против Власти“. См. также статьи: „К вопросу об организации общественной медицины на общинно-кооперативных началах“ (газ. „Анархия“, № 76 за 1918 г.), „Проблема свободной армии“ (газ. „Анархия“, № 83 за 1918 г.) и статью К. Н. Вентцеля „Отделение школы от государства“ (журн. „Свободное Воспитание“, № за февраль 1917 г.).

К сведению читателей.

„Почин“ высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос, в расчете на материальную поддержку по их усмотрению *по мере получения последующих №№*.

О суммах поступ. за октябрь будет сообщ. в след. №.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, Коровий Вал, дом 16, кв. 14.

Тов. А. М. Атабекян.

Издание «Почина» прервано вследствие ареста редактора-издателя.